

*А. РАДЫГИН,
доктор экономических наук,
член совета директоров ИЭПП,*

*Р. ЭНТОВ,
академик РАН*

В ПОИСКАХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА *(новые подходы на рубеже XX–XXI вв.)*

Мейнстрим и институционализм: сближение подходов

Со времени Д. Юма и А. Смита источники экономического роста неизменно связывались с накоплением капитала. Всякое его увеличение, утверждал А. Смит, естественно ведет к активизации промышленной деятельности и, следовательно, к возрастанию реального богатства. Накопление капитала, в свою очередь, определяется масштабами сбережений. «...Бережливость, а не трудолюбие является непосредственной причиной возрастания капитала». И дело не ограничивается тем, что в богатых странах больше оказывается фонд (доля) накопления. К тому же сравнительно большая часть этих накоплений направляется на «производительную» деятельность¹.

Тезис, определяющий роль накопления, полностью унаследован академической теорией мейнстрима. Роль сбережений населения и накапливаемой прибыли в поддержании хозяйственной активности и устойчивого роста общественного богатства подробно анализирует А. Маршалл².

«Великая депрессия» побудила современников и сторонников Дж. М. Кейнса осторожнее оценить роль процессов накопления,

¹ «Фонды, предназначаемые на содержание производительного труда, не только значительно больше в богатых странах, чем в бедных, но они представляют и большую пропорцию по сравнению с теми фондами, которые хотя и могут быть затрачиваемы на содержание как производительного, так и непроизводительного труда, но по общему правилу затрачиваются предпочтительно на содержание последнего» (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Мысль, 1962. С. 247, 248).

² Маршалл А. Принципы политической экономии. Кн. 4. М.: Прогресс, 1983.

прежде всего краткосрочных факторов экономической динамики. К. Кларк, который изучал длительные тенденции хозяйственного развития, писал: «Уже в 1937 году я начал серьезно сомневаться в справедливости этой доктрины... Накопление капитала — это необходимое, но не достаточное условие экономического прогресса»³. В моделях экономического роста Р. Харрода, испытывавшего влияние Кейнса, на передний план вновь поставлены процессы накопления. Так, в базовом уравнении экономического роста темпы расширения производства прямо пропорциональны норме сбережений⁴. Те же предположения, по существу, содержатся и в моделях экономического роста Р. Солоу⁵, и в теоретических конструкциях эндогенного роста и технического прогресса Р. Лукаса⁶.

Эмпирические исследования источников экономического роста, основанные на стандартных производственных функциях, не подтвердили, однако, тезиса о решающей роли накопления «физического капитала».

Ограничимся ссылкой на результаты многочисленных расчетов Э. Денисона, впервые предложившего методы «калькуляции» экономического роста. За период 1929–1982 гг. не более 20% увеличения национального дохода США в расчете на одного занятого удается «приписать» накоплению реального капитала. Решающую роль в расчетах такого рода играл неразложимый по факторам «остаток». Э. Денисон считал его характеристикой прогресса знаний, который включает «как технический прогресс, так и прогресс в наших знаниях об управлении и организации»⁷. Тем самым в сферу исследования проблем экономического роста постепенно включался все более широкий круг не только экономических, но и социально-политических отношений⁸.

В новой ситуации пересмотру подверглись и определения самих факторов производства. В наиболее развитых странах накопление вещественного капитала как ключевой фактор экономического роста постепенно стало уступать накоплению человеческого (также «социального») капитала. За пределы демографии оказался вынесенным, в частности, и вопрос о факторах, определяющих темпы расширения трудовых ресурсов⁹.

Теоретики, занятые поиском источников экономического роста, шире привлекают исторический материал, активнее вторгаются в сферу политических и социальных отношений. Это становится все более

³ Clark C. Development Economics. The Early Years // *Pioneers in Development* / G. Meier, D. Seers (eds.). Oxford University Press, 1984. P. 59.

⁴ Harrod P. К теории экономической динамики. Новые выводы экономической теории и их применение к экономической политике. М., 1959.

⁵ Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70.

⁶ Lucas R. On the Mechanics of Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22.

⁷ Denison E. Trends in American Economic Growth. 1929–1982. The Brookings Institution, 1985. P. 28.

⁸ Более подробный анализ различных попыток декомпозиции экономического роста по различным факторам см.: Jorgenson D. Calculation of Economic Growth // *Handbook of Economic Growth* / Ph. Aghion, S. Durlauf (eds.). North–Holland, 2004.

⁹ Изучая источники современного («постмальтузианского») экономического роста, О. Гэйлор и О. Моав выдвигают гипотезу о существенном изменении предпочтений: современная семья, по их мнению, стремится не столько к увеличению числа детей, сколько к накоплению возможно большего человеческого капитала. См.: Galor O., Moav O. Natural Selection and the Origin of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 2002. Vol. 117. Issue 4.

очевидным, если сравнить «калькуляции» Э. Денисона с последующими публикациями Р. Бэрроу¹⁰. Обычные динамические ряды все чаще дополняются межстрановыми сопоставлениями (cross-country studies), а место элементарных производственных функций начинают занимать многофакторные межобъектные сравнения (cross-section). При этом такие переменные, как норма личных сбережений (или норма накоплений), в подобных расчетах вообще отсутствуют. Зато значительное место отводится тем переменным, которые, по мнению Р. Бэрроу, должны играть отрицательную роль (масштабы потребления государства, инфляция и др.), и, что особенно существенно, переменным, характеризующим влияние общественно-политических отношений (степень демократизации общества, соблюдение законов, прежде всего реальная защита прав собственности и контрактных прав).

«Калькуляции» экономического роста с момента появления подвергались критике представителями институциональной теории. Еще в начале 1970-х годов Д. Норт и Р. Томас отмечали, что такие факторы, как накопление капитала, экономия на масштабах и т. п., «не являются источниками экономического роста, они и *есть* сам рост»¹¹.

Согласно классификации одного из наиболее известных представителей новой институциональной теории О. Уильямсона, на более глубоких (по сравнению с обычной хозяйственной деятельностью) уровнях складываются политико-экономические структуры, определяющие правила поведения отдельных участников¹². В соответствии с этой логикой экономика прав собственности должна играть более фундаментальную роль, чем текущие операции, описываемые стандартной неоклассической теорией. В последнее время и представители академического мейнстрима начали склоняться к мысли, что институциональные структуры, а среди них — прежде всего права собственности и права и обязанности, фиксируемые системой контрактов, оказываются наиболее глубоким источником долгосрочного развития и экономического роста.

Сегодня многочисленные характеристики институциональных структур становятся престижными объектами теоретического моделирования и эконометрического исследования. Экспансия неоклассических моделей проявляется, в частности, в постепенном охвате того «глубинного» (по характеристике О. Уильямсона) уровня, на котором располагаются базовые институциональные структуры. Границы между обычными объектами исследования представителями мейнстрима и традиционной тематики институционалистских работ оказываются все более размытыми¹³.

¹⁰ Barro R. Economic Growth in a Cross-Section of Countries // The Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106. Issue 2; Barro R. Determinants of Economic Growth: a Cross-Country Empirical Study // NBER WP No 5698. Washington, 1996; Barro R., Lee J.-W. International Comparisons of Educational Attainment // Journal of Monetary Economics. 1993. Vol. 32; Barro R., Sala-i-Martin X. Economic Growth. McGraw Hill, 1995.

¹¹ North D., Thomas R. The Rise of Western World: A New Economic History. Cambridge University Press, 1973. P. 2.

¹² Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. XXXVIII, No 3.

¹³ При этом О. Уильямсон настаивает на сохраняющихся преимуществах новой институциональной теории, ссылаясь, в частности, на успехи эмпирических исследований, проводимых в области «экономики транзакционных издержек» (Williamson O. Op. cit. P. 605–607).

Исторические особенности формирования институтов

Наиболее популярную сегодня версию формирования рыночных институтов можно сформулировать следующим образом. Расширение торговли в XVI—XVII вв. способствовало концентрации мощи, в том числе «политической силы de facto», в руках части землевладельцев и купцов. Ограничивая власть короля, владельцы земли и капитала боролись за постепенное утверждение прав частной собственности. Классические примеры такого рода обычны для английской истории XVII—XVIII вв.¹⁴

Одной из наиболее употребляемых «несущих конструкций» институционального анализа можно считать использованную Д. Нортон категорию обязательств, «внушающих доверие» (credible commitments). До тех пор, пока власть монарха оставалась неограниченной, подписанные им контрактные обязательства не могли считаться внушающими доверие: короли нередко отказывались от возврата своих долгов или даже прибегали к конфискации имущества кредиторов. Соответственно обязательства, внушающие доверие, могли получить сколько-нибудь широкое распространение только в результате постепенного ограничения полномочий абсолютного монарха.

Дж. Локк, написавший после английской революции «Два трактата об управлении», отмечал, что король не должен нарушать никаких прав собственности своих подданных. Политическая власть представляет собой «право создавать законы... для регулирования и сохранения собственности»¹⁵. Карл II принес особую клятву не посягать на собственность своих подданных¹⁶. Расширение полномочий английского парламента к концу XVII в. и предоставление с его стороны гарантий английской короне создали условия для резкого увеличения королевской задолженности. Вместе с тем ускоренными темпами в Англии начали развиваться финансовые рынки.

С наступлением нового времени стало очевидно, что важнейшее условие, которое может обеспечить функционирование рыночной собственности, — *это жесткое ограничение полномочий исполнительной власти в сфере имущественных отношений*. Формируемые под воздействием политических сил отношения частной собственности, в свою очередь, наложили отпечаток на всю структуру социально-политических отношений. Собственность как некоторое легитимное «право» становится под защиту государства, «но это же право защищает и самого индивидуума от государства: вместе с законом и ее [собственности] побочным продуктом она становится самым действенным средством ограничения государственной власти»¹⁷.

В различных географических регионах утверждение института рыночной собственности осуществлялось неодинаково и в огромной степени зависело от специфики предшествующего исторического развития (path dependence). Рассматривая длительные изменения

¹⁴ Acemoglu D., Robinson J. Economic Backwardness in Political Perspective // NBER WP No 8831. Washington, 2002; Acemoglu D., Aghion Ph., Zilibotti F. Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth // NBER WP No 9066. Washington, 2002.

¹⁵ Локк Дж. Сочинения в трех томах. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 343.

¹⁶ Nenner H., Jones J. Liberty Secured? Britain Before and After 1688. Stanford University Press, 1992. P. 92.

¹⁷ Пайнс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 158, 159.

в истории стран, подвергшихся колонизации, Д. Эйсмоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон привлекли внимание исследователей к следующему феномену¹⁸. С XI по XV в. можно наблюдать более или менее устойчивое распределение богатства между такими странами. Начиная с середины XVI в. ситуация стала радикально меняться: с переходом к новому времени на протяжении последующих четырех столетий во внеевропейском («колонизируемом») мире обнаружилась тенденция к «обратному ранжированию богатства» («the reversal of Fortune»). Богатые ранее страны постепенно беднели (относительно других), тогда как некоторые бедные страны смогли увеличить не только абсолютное, но и относительное богатство.

Изучая различные формы экономического роста в колонизированных странах, авторы связали их с теми или иными стратегиями, использованными европейскими метрополиями. Впервые в академической литературе был выдвинут тезис о том, что европейские государства использовали методы интенсивной эксплуатации в многонаселенных странах, наделенных богатыми природными ресурсами. В большинстве случаев это происходило в странах с жарким климатом, для которых была характерна более высокая смертность выходцев из метрополий с умеренным климатом. Такая стратегия должна была обеспечивать особые выгоды для метрополии¹⁹. Другая стратегия применялась в малонаселенных странах, расположенных в зоне умеренного климата, куда чаще всего происходило переселение жителей из государств Западной Европы. Тем самым в колонизированных странах формировались различные имущественные отношения и хозяйственные структуры, основанные на них. Указанные различия становятся особенно наглядными при сравнении институциональной структуры, господствующей сегодня в США, Канаде, Австралии, с экономическими институтами, скажем, стран Тропической Африки.

Подобные рассуждения позволили продемонстрировать довольно эффективные результаты. Так, данные, относящиеся к предшествующим столетиям, о смертности выходцев из стран с умеренным климатом в страны Африки, Азии и Латинской Америки, а также о плотности населения в колонизированных странах в начале XVI в., могут объяснить («предсказать») значительную часть различий в индексах, характеризующих эффективность защиты частной собственности в настоящее время. На основе последних выводятся и различия в уровнях и динамике ВВП на душу населения.

Бремя колонизации, неблагоприятное наследие колониальных империй сводятся, таким образом, прежде всего к отсутствию условий для формирования конкурентных рынков современного типа. В некоторых странах Латинской Америки, например, «полное засилье монополий и повсеместное административное регулирование, насажденное еще Испанией, оставались нетронутыми и после того, как эти страны обрели независимость»²⁰.

Заметим, что процессы освоения и развития хозяйственной цивилизации не могут сводиться только к перемещению европейцев с опытом сравнительно более

¹⁸ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth / Ph. Aghion, S. Durlauf (eds.). North-Holland, 2004.

¹⁹ Авторы цитируют работу одного из американских историков, в которой описываются результаты колониального господства в Конго: политика Бельгии «была основана на безудержной эксплуатации природных и человеческих ресурсов», она привела к последующему «распаду всей хозяйственной и общественной жизни». Ibid. P. 1375.

²⁰ Ibid. P. 1376.

развитой рыночной экономики в отсталые страны. Вопрос о «трансплантации» правовых и хозяйственных институтов более подробно будет рассмотрен ниже. Здесь же отметим, что в США и Канаде доля европейских мигрантов в XIX в. была меньше, чем в некоторых странах Латинской Америки (Уругвай, Аргентина), а страны Юго-Восточной Азии (например, Сингапур), характеризующиеся прочной защитой частной собственности и чрезвычайно динамичным экономическим ростом, и до настоящего времени не привлекают большого числа европейских мигрантов.

Современной страновой институциональной структуре присущ ряд важных функциональных характеристик, среди которых особую роль играет наличие или отсутствие «встроенных» механизмов поддержания хозяйственной стабильности²¹. Д. Эйсмоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон и Ю. Тэйчерэн предприняли специальное эконометрическое исследование того, в какой мере обладают стабильностью сравнительно более «слабые» институциональные структуры (рассматривалась все та же выборка колонизированных стран, динамика которых сравнивалась с соответствующими характеристиками развитых стран)²². При этом внутренние свойства самих институтов не подвергались особому анализу; институциональные структуры выступали, по существу, в роли некоего «черного ящика». Говоря о сильных сторонах концепции Д. Эйсмоглу и его соавторов, особо отметим четкое выделение механизмов взаимодействия политических и экономических институтов и вопрос об особенностях их формирования.

Для выделения институциональных структур, сформировавшихся в течение длительного исторического периода, использовались соответствующие показатели смертности переселенцев и производные от них индексы, характеризующие степень защиты частной собственности, и индексы, характеризующие жесткость ограничений, налагаемых на представителей управленческого персонала. Поскольку стабильность экономики зависит также от проводимой макроэкономической политики, то характеристики воздействия институциональных структур сопоставлялись с влиянием «неоптимальной» макроэкономической политики (чрезмерные государственные расходы, инфляционная кредитно-денежная политика, поддержание слишком высокого реального валютного курса).

Волатильность производства (измеряется стандартным отклонением темпов изменения реального ВВП на душу населения) на протяжении 1970—1997 гг. в значительно большей степени *определялась показателями, которые отражают исторически сложившуюся институциональную структуру*. В странах с более «сильной» институциональной структурой влияние дестабилизирующей макроэкономической политики оказывается менее существенным. *Страны со «слабыми» институтами в большей степени подвержены кризисам*, измеряемым глубиной падения производства. Больше того, и в крайностях макроэкономической политики авторы

²¹ Здесь речь идет главным образом о кратко- и среднесрочной стабильности производства и потребления, а характеристики стабильности институционального окружения приводятся ниже.

²² *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Thaicharoen Y. Institutional Causes, Macroeconomic Symptoms: Volatility, Crises and Growth // Journal of Monetary Economics. 2003. Vol. 50.*

склонны видеть «симптомы, отражающие влияние более глубоких институциональных факторов»²³.

Следуя методологии Р. Коуза²⁴, можно утверждать, что и при наличии внешних эффектов (экстерналий) в случаях, когда можно пренебречь трансакционными издержками, исследователям удастся путем рыночных взаимодействий интернализировать по крайней мере часть указанных эффектов. Возможны ли подобные (коузианские) процессы в сфере принятия политических решений?

Специальное теоретическое исследование Д. Эйсмоглу²⁵ дает ответы на этот вопрос. Автор отмечает: в экономике все коузианские процессы предполагают, что соглашения оформляются специальными контрактами. Контракт предусматривает определенные обязательства обеих сторон, причем как права, так и обязательства всегда распространяются на предусматриваемый в контракте последующий период. Действенный инфорсмент контрактных прав и обязательств опирается в конечном счете на некую «третью» сторону, контролирующую соблюдение «правил игры» и выполняющую роль некоего беспристрастного арбитра. В качестве такого арбитра чаще всего выступают различные судебные инстанции и звенья административно-правового аппарата, осуществляющие «монополию легитимного принуждения» («monopoly of legitimate coercion»).

В сфере политических отношений государство неизбежно становится одним из участников заключаемого контракта. В подобной ситуации трудно отыскать беспристрастного арбитра, который был бы наделен монополией легитимного принуждения. Но тем самым исчезают и основания для доверия к заключаемым контрактам. Указанные соображения могут служить, по-видимому, одним из дополнительных аргументов в пользу *всемерного развития в публично-правовой сфере механизмов взаимных сдержек и противовесов*²⁶.

В «политико-правовой инфраструктуре», создающей условия для стабильного экономического роста, особо важное значение имеет принцип разделения властей, лежащий в основе современного правового государства. *Решения тех инстанций, которые выступают в роли арбитра, следящего за реализацией права собственности, контрактных обязательств и контролирующего соблюдение правил рыночной игры, должны свидетельствовать о реальной независимости судебной системы от исполнительной власти.*

Защита имущества и доходов физических лиц и компаний от посягательства государства чрезвычайно важна была на начальных этапах частной собственности, когда сфера индивидуальных экономических и социально-политических прав еще недостаточно четко очерчена, а частное присвоение богатства перестает быть наследственным

²³ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J., Thaicharoen Y. Op. cit. P. 108.

²⁴ Coase R. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. 1960. Vol. 3.

²⁵ Acemoglu D. Why Not a Political Coase Theorem? // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31.

²⁶ Соображение об ограниченных возможностях реализации коузианских механизмов в политической сфере не исключает возможности плодотворных соглашений между государством и обществом.

«прирожденным правом» монарха и феодальной аристократии²⁷. Особенно остро эта проблема встает в обществе, где законодательная и исполнительная власти испытывают сильное давление электората, которому на протяжении нескольких поколений внушали мысль об «аморальности» и вредности принципов частной собственности.

Весьма существенно обстоятельство, вытекающее из теоретической модели («сравнительная статика»), но не получившее более подробного развития в излагаемой концепции. *Мероприятия экономической политики по переходу к более эффективной аллокации ресурсов могут тормозиться тем, что такая перестройка сопряжена с изменениями в распределительных отношениях.* Сохраняющиеся институты (или политические нормы и решения) некоторым служащим правительственного аппарата могут приносить частные выгоды (нелегитимные). Учреждение новых институтов, предполагающих функционирование конкурентных механизмов в политической и экономической сферах, во многих случаях наталкивается (иногда явно, но чаще скрыто) на сопротивление тех чиновников, которым удается извлекать выгоды из сложившихся административных установлений и ограничений.

Тем самым формируются зависимости, образующие «порочный круг»: *чем больше в обществе распространена коррупция среди правительственных чиновников, тем меньше (при поддержании прежнего уровня административной дисциплины) остается возможностей для укрепления рыночных институтов и конкурентных механизмов.* При некоторых условиях эффективные рыночные взаимодействия могут подменяться соперничеством на «политических рынках», борьбой бюрократических интересов²⁸. Так, усиление централизованных начал в российской экономике начала 2000-х годов сопровождалось некоторым ограничением рыночной конкуренции и обострением специфически бюрократического соперничества, когда отдельные ведомства начинают бороться друг с другом за дополнительные ресурсы и властные полномочия.

Однако подобные цели не могут быть непосредственно афишированы. Поэтому для «регуляторов» характерна постоянная апелляция к интересам тех или иных групп участников рынка. Именно под этим флагом «регуляторы» часто реализуют собственные интересы и устремления²⁹. Неблагоприятные взаимодействия складываются также в тех случаях, когда лишь некоторая, не слишком представительная часть предпринимателей сама обладает «политической силой de facto» или монопольным доступом к центру принятия политических решений. Такие предприниматели, использующие судебную и исполни-

²⁷ В качестве ключевого условия утверждения рыночной собственности Д. Норт и Б. Уэйнгаст считают формирование в ходе английской революции XVIII в. достаточно независимой судебной власти, которая смогла более или менее эффективно сдерживать посягательства короля (или парламента) на имущество частных лиц (*North D., Weingast B. The Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17-th Century England // Journal of Economic History. 1989. Vol. 49.*)

²⁸ См.: Проблемы становления новой институциональной структуры в переходных странах / Под ред. В. А. Мау. М.: ИЭП, 2001.

²⁹ Развитие спроса на правовое регулирование корпоративного управления в частном секторе // Научные доклады МОНФ. 2003. № 148. С. 51.

тельную власти в качестве орудия против своих соперников, просто не заинтересованы в реальном утверждении прочных отношений частной собственности³⁰.

Генезис правовых систем и «новая сравнительная теория»

Среди работ, исследующих генезис правовых систем и их влияние на характер имущественных отношений и информент прав собственности, назовем прежде всего цикл публикаций Р. Ла Порты, Ф. Лопес-де-Силанеса, А. Шляйфера и Р. Вишны³¹. Степень защиты собственности и общие характеристики функционирования экономики в тех странах, где господствует «англо-саксонская» система прецедентного права (common law), сопоставляются с аналогичным воздействием системы четко кодифицированного, «французского» гражданского права (civil law).

Как известно, своими корнями «английское» право восходит еще к временам нормандского завоевания³². Складывавшиеся нормы прецедентного права в большей мере отражали средневековые отношения между королем и представителями высшей феодальной аристократии³³. В континентальной Европе более широкое распространение получили кодифицированные правовые нормы, непосредственно устанавливаемые законами, а наибольшее влияние на формирование правовых норм оказали Кодексы Наполеона начала XIX в. В Германии (после объединения страны) была принята «продвинутая» система законов, с начала XX столетия вступил в силу наиболее полный Гражданский кодекс. Наряду с «англо-саксонской» и «французской» системами Р. Ла Порты, Ф. Лопес-де-Силанеса, А. Шляйфера, Р. Вишны в качестве «базовых» выделяют также «скандинавскую» систему³⁴.

Распространение складывавшихся правовых норм во многих случаях переплеталось с процессами миграции и колонизации. Так, в странах, заселявшихся выходцами из Англии, чаще всего утверждался тот или иной вариант прецедентного права (в США эти нормы претерпели существенные изменения после войны за независимость и Гражданской войны). В странах Центральной и Латинской Америки в законах были отражены испанские традиции, которые впоследствии получили развитие под влиянием наполеоновских кодексов. Интенсивное

³⁰ Ситуации неравномерного распределения богатства и относительной неэффективности производства, когда наиболее состоятельные собственники оказываются не заинтересованными в неизбирательной и прочной защите прав собственности, рассматриваются в: Polishchuk L., Savvateev A. Spontaneous (non) emergence of Property Rights // The Economy of Transition. 2004. Vol. 12, No 1.

³¹ См., например: La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Investor Protection and Corporate Governance // Journal of Financial Economics. 2000. Vol. 58; La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Investor Protection and Corporate Valuation // Journal of Finance. 2002. Vol. 57.

³² Berkovitz D., Pistor K., Richard J. Economic Development, Legality and the Transplant Effect // European Economic Review. 2003. Vol. 47. P. 169.

³³ Glaeser E., Shleifer A. Legal Origins // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117. Issue 4.

³⁴ Д. Берковиц, К. Пистор. Ж.-Ф. Ришар в указанной выше работе приводят более полный, на их взгляд, перечень «базовых» систем, который наряду с системами, сложившимися в национальных государствах Европы, включает также (в качестве самостоятельной) «американскую» систему.

освоение «базовых» правовых систем наблюдалось в XIX — начале XX столетий. Пик судебно-правовых реформ в Бразилии, Аргентине, Чили, Эквадоре и в некоторых других латиноамериканских странах пришелся на середину XIX в.

Многочисленные эконометрические расчеты Р. Ла Порты, Ф. Лопес-де-Силанеса, А. Шляйфера и Р. Вишны иллюстрируют центральный тезис их теоретической концепции: в странах с «англо-саксонской» правовой системой интересы частных собственников, в том числе владельцев акций, защищены гораздо лучше, чем в государствах с «французской» системой. *Более адекватная реализация принципов частной собственности представляет собой необходимое условие для интенсивного развития финансовых рынков*³⁵. Защита прав частной собственности обеспечивает предпосылки для интенсивного расширения капиталовложений и повышения темпов экономического роста³⁶.

В 2003 г. С. Джанков, Р. Ла Порты, Э. Глейзер, Ф. Лопес-де-Силанес и А. Шляйфер предложили «новую сравнительную теорию» (the new comparative economics) на смену «старой сравнительной теории», сопоставлявшей социалистическую и капиталистическую системы. «Новая сравнительная теория», рассматривая различия в хозяйственных и политических институтах, утвердившихся в странах с более или менее развитой рыночной системой, изучает их влияние на общие характеристики функционирования экономики³⁷. Теория призвана упорядочить и обобщить накопленный обширный материал эмпирических исследований, прежде всего межстрановых сопоставлений.

Авторы новой теории в своих общих построениях широко используют восходящее еще к «Левиафану» Т. Гоббса противопоставление анархии, неизбежно порождаемой разрозненными усилиями людей в условиях господства частной собственности, и централизованного («диктаторского») правления. Используя стандартные методы микроэкономической теории, они строят кривую институциональных возможностей, которая по своей конфигурации напоминает обычные кривые безразличия. Операционные возможности анализа, однако, осложняются тем, что по осям координат откладываются плохо верифицируемые суммы совокупных потерь, связанных с реализацией таких общих принципов, как диктаторские методы управления (ось абсцисс) или беспорядок и анархия (ось ординат).

Страны с более развитой рыночной экономикой характеризуются кривыми институциональных возможностей, лежащими ближе к началу координат. Прямая, проходящая через начало координат и характеризующая страны различного уровня развития с «англо-саксонской» правовой системой, должна иметь больший угол наклона по сравнению с аналогичной прямой, описывающей страны с «французской» системой (поскольку последняя, по мнению авторов, лучше согласуется с теми методами ограничения беспорядка, которые использует централизованное регулирование). Изменения институтов, носящие длительный характер и сопровождающиеся значи-

³⁵ La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Legal Determinants of External Finance // Journal of Finance. 1997. Vol. 52; La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Law and Finance // Journal of Political Economy. 1998. Vol. 106.

³⁶ Также см.: Радыгин А., Энтов Р. Институциональные проблемы развития корпоративного сектора: собственность, контроль, рынок ценных бумаг. М.: ИЭПП, 1999; Радыгин А., Энтов Р. Корпоративное управление и защита прав собственности: эмпирический анализ и актуальные направления реформы. М.: ИЭПП, 2001.

³⁷ Djankov S., Glaeser E., La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A. The New Comparative Economics // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31, No 4. P. 596.

тельным повышением производительности, описываются смещением вниз (к началу координат) кривой институциональных возможностей.

Проведение рыночных реформ в посткоммунистических странах эта концепция связывает с движением справа налево вдоль соответствующих кривых институциональных возможностей. Кривые, описывающие институциональные возможности стран Центральной и Юго-Восточной Европы, лежат значительно ниже соответствующих кривых для стран СНГ (из-за низкого уровня развития рыночной экономики в них).

В результате реформ последних десятилетий Россия продвинулась вдоль своей кривой институциональных возможностей налево значительно больше, чем, скажем, Венгрия или Чехия (вдоль своих кривых). Нынешнее местоположение России должно показывать, что ее экономика характеризуется более отчетливо выраженными элементами дезорганизации, анклавности и коррупции. Используя столь обобщенные характеристики дезорганизации или «чрезмерной» централизации, авторы не предлагают, к сожалению, никаких способов эмпирической идентификации этих показателей, вследствие чего размещение отдельных государств на подобной диаграмме неизбежно носит субъективистский характер.

Последовательное осуществление в правовой системе уже упоминавшегося принципа взаимных сдержек и противовесов, согласно логике тех же авторов, должно способствовать повышению эффективности хозяйственной системы. Выше отмечалась важная роль независимости судебных органов в реализации принципов частной собственности. Расчеты показывают, что *в странах, где судебные органы обладают сравнительно большей независимостью, полнее защищены права частной собственности и обеспечены лучшие условия для интенсивного экономического роста*³⁸.

Исходя из рассмотренных теоретических построений, авторы «новой сравнительной теории» высказывают ряд соображений о возможности «трансплантации» различных институтов, функционирующих в странах с развитой рыночной системой³⁹, прежде всего «базовых» правовых систем.

Поскольку в странах с недостаточно развитой рыночной системой принципы свободы слова реализуются менее полно и не столь прозрачны действия властей на всех уровнях, восприятие норм «французского» права должно повлечь за собой избыточное развитие административно-регулирующих начал. В сфере экономики это проявляется в огромном числе административных ограничений и соответственно в сравнительно большем распространении «теневого» сектора, а в правовой сфере — в чрезмерном «правовом формализме»⁴⁰, в большей громоздкости и длительности судебных процессов, а также

³⁸ *La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Pop-Eleches C., Shleifer A.* Judicial Checks and Balances // *Journal of Political Economy*. 2004. Vol. 112.

³⁹ Вопрос о «трансплантации» хозяйственных институтов активно обсуждается и в отечественной литературе. См., например: *Волконский В. А.* Институциональные проблемы российских реформ. М.: Диалог—МГУ, 1998; *Полтерович В. М.* Трансплантация институтов // *Экономическая наука современной России*. 2001. № 3; *Старков О. Ю.* Развитие институтов жилищного кредитования: проблема трансплантации. М.: ЦЭМИ РАН, 2002; *Клейнер Г. Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004; *Кузьминов Я. И., Радаев В. В., Яковлев А. А., Ясин Е. Г.* Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений. М.: ГУ—ВШЭ, 2005.

⁴⁰ Методы исчисления индексов «правового формализма» описаны в: *Djankov S., La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A.* Courts // *Quarterly Journal of Economics*. 2003. Vol. 118.

в крупных издержках правоприменительных процедур. В странах с развитой рыночной экономикой защита прав частной собственности и инфорсмент контрактных обязательств сравнительно больше регулируются децентрализованными рыночными механизмами.

Вовлечение отдельных стран в мировой хозяйственный оборот на протяжении многих столетий ставит вопрос о формах «смыкания» натуральных хозяйств с экономиками, в которых лучше развиты рыночные отношения. Особую остроту проблема рецепции более «продвинутых» хозяйственных институтов получила в эпоху формирования колониальных империй⁴¹.

Один из наиболее известных экспертов в области социальной и экономической истории К. Поланьи заметил, что вряд ли имеет смысл определять колониальную эксплуатацию в сугубо экономических терминах, как, например, некую постоянно существующую неэквивалентность меновых отношений. Ведь рассматриваемые взаимодействия явно выходят за пределы узких экономических и правовых категорий. Политика государств-метрополий чаще всего приводила к разрушению прежнего хозяйственного уклада, и тогда в полной мере проявлялись негативные последствия неадекватной «трансплантации» чужеродных социально-экономических институтов. Насаждаемые институты терпят крах уже вследствие того, что рыночную экономику навязывают обществам, имеющим принципиально другую организацию, а труд и землю превращают в товар или все без исключения культурные институты органического общества ликвидируют. Более того, разложение патриархальной системы и внедрение рыночных отношений лишь способствовали обострению кризиса. Так, в Индии во второй половине XIX в. массы индийцев гибли в громадных количествах не потому, что их эксплуатировал Ланкашир, а по той причине, что была уничтожена индийская крестьянская община⁴².

Описанную ситуацию вряд ли стоит считать единственно возможной. Во многих случаях власти метрополии считали более выгодным «встроиться» в традиционно сложившийся уклад жизни, сохраняя и используя в своих интересах социально-политические структуры и сложившиеся формы личной зависимости⁴³. Тем самым закладывались предпосылки для длительного сохранения хозяйственной отсталости колониальных и зависимых стран. С другой стороны, «прививаемые» социальные и экономические институты могли успешно приживаться на новой почве, и «трансплантация» оказывалась мощным средством поступательного развития, когда указанные институты перемещались в колонизируемые страны вместе с участниками — жителями метрополий (опыт Соединенных Штатов, Австралии, Канады и некоторых других государств)⁴⁴.

⁴¹ Выше отмечалось, какое место в трактовке Д. Эйсмолгу и его соавторов формирования современной институциональной структуры занимает хищническая эксплуатация колониальных ресурсов.

⁴² Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 178–179.

⁴³ Abdel-Malek A. Civilization and Social Theory. State University of New York Press, 1981.

⁴⁴ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth / Ph. Aghion, S. Durlauf (eds.). North-Holland, 2004.

На протяжении длительного исторического периода «трансплантация» правовых отношений осуществлялась как добровольно, так и принудительно, но далеко не в каждом случае подобная «пересадка» могла обеспечить успех⁴⁵. Чтобы трансплантируемая система могла эффективно привиться, необходимы по крайней мере достаточно полное знакомство с воспринимаемой системой⁴⁶ и наличие условий для укоренения такой системы на новой почве. Наиболее трудной проблемой рецепции, как показывает анализ, неизменно оказывалось согласование вводимых норм с исторически сложившимися традициями и местными условиями.

В работе Д. Берковица, К. Пистор и Ж.-Ф. Ришара рассматриваются характеристики трансплантации правовых норм в 39 странах. Лишь в шести из них (Япония, Италия, Голландия, Аргентина, Чили, Израиль) процессы рецепции и адаптации, по мнению авторов, в конечном счете прошли успешно. Так, в Японии (где власти, как отмечалось выше, не сразу осознали реальное содержание проводимых преобразований) принятые кодексы в конце концов не вступали в конфликт с существующей традицией.

Основной вывод можно сформулировать следующим образом: *эффект «трансплантации» зависит не столько от выбора того или иного «семейства правовых норм» («legal families»), сколько от реального восприятия трансплантируемых законов.* Решающую роль в формировании реальной структуры правовых норм чаще всего играли удачная «прививка» или «невоспринятая» трансплантация.

Среди систем, менее восприимчивых к «трансплантации» правовых норм, назовем и правовую систему, существовавшую в Советском Союзе. При этом наибольшие трудности были вызваны не тем, что в ходе правовых реформ осваивались неэффективные нормы законодательства по крайней мере с экономической точки зрения. *Главным препятствием на путях перехода к продвинутой правовой системе оказываются «слабые институты», и в частности слабая система информента прав собственности и контрактных обязательств.* Проблемы функционирования имущественных отношений в российской экономике подробно рассматривались авторами в других работах. Здесь же отметим плодотворность общего подхода, связывающего успех «трансплантации» правовых норм и институтов не столько с выбором той или иной системы законодательства, сколько с реально складывающейся в стране практикой правоприменения⁴⁷.

Исследования правовых институтов в современной экономической науке, особенно статистическая проверка теоретических гипотез, наталкиваются на ряд серьезных проблем формализации правовых норм и социально-политических решений. Работая с индексами защиты прав собственности, «трансплантации» правовых систем, информента

⁴⁵ Berkovitz D., Pistor K., Richard J. Op. cit.

⁴⁶ Так, осуществляя правовую реформу (1829 г.), власти Колумбии, пытавшиеся утвердить в стране нормы испанского торгового кодекса, плохо осознавали реальный смысл вводимых правовых установлений (Means R. Underdevelopment and the Development of Law. The University of North Caroline Press, 1980). По мнению Д. Берковица, К. Пистор, Ж.-Ф. Ришара, и японские власти, осуществлявшие законодательные реформы 1868—1899 гг., недостаточно полно представляли реальное содержание вводимой правовой системы (преимущественно «немецкой»).

⁴⁷ Более подробно данный вопрос см.: Радыгин А., Энтов Р. и др. Проблемы правоприменения (информента) в сфере защиты прав акционеров. М.: ИЭПП, 2002; Радыгин А., Энтов Р. Корпоративное управление и саморегулирование в системе институциональных изменений. М.: ИЭПП, 2006.

и т. п., исследователь неизбежно сталкивается не только с невысокой точностью, но и с отсутствием многих переменных, которые могли бы однозначно характеризовать сложившиеся исторические обычаи и культурные традиции, различия в социально-психологическом климате. Отсюда возникает необходимость учета «отсутствующих переменных»⁴⁸. Как в свое время заметил К. Эрроу, «поскольку исследования до настоящего времени находятся лишь на начальных стадиях, в указанной области следует избегать чрезмерной точности»⁴⁹.

Финансовые рынки, собственность и инновации

Развитие и укрепление рыночной частной собственности на определенном этапе зрелости создают, как отмечалось выше, возможности для формирования системы финансовых рынков. В современной экономике финансовые рынки позволяют не только превратить сбережения в капитал и обеспечить эффективную аллокацию последнего, но и собрать и переработать огромные массивы информации для инвестиционных решений, создавая условия для мониторинга инвестиционных проектов и контроля над их эффективностью. Й. Шумпетер характеризовал рынок капитала как «штаб капиталистической экономики», где, по сути, обсуждается и принимается план дальнейшего развития⁵⁰. Каждому новому этапу капиталистической экономики предшествовали качественные изменения в функционировании финансовых рынков.

Поток технических инноваций, по мнению Дж. Хикса, не сыграл решающей роли в развертывании Промышленной революции конца XVIII — начала XIX столетия («Промышленная революция произошла бы и без Кромптона и Аркрайта и была бы, особенно на поздних стадиях, такой же, какая имела место в действительности»). Что же в таком случае может считаться решающим фактором, сделавшим возможными массивные инвестиции в новую технику и технологию производства? Дж. Хикс ищет ответ в развитии финансовой сферы и считает критически важной доступность ликвидного капитала. В первой половине XVIII в. возможности такого финансирования сложились не только в Англии и Голландии, но и во Франции. «К тому времени в этих странах уже существовали финансовые рынки, где можно было легко продать различные ценные бумаги. Это открывало невиданные прежде (даже всего несколькими годами ранее) возможности получить необходимые ликвидные средства...»⁵¹.

К настоящему времени поистине общим местом стали ссылки на *связь процессов «углубления финансовой структуры» («financial deepening») с повышением эффективности хозяйственных процессов и ускорением экономического роста*⁵². На протяжении

⁴⁸ Описание возможных смещений, порождаемых «отсутствующими переменными», можно найти в стандартных пособиях по эконометрии. См., например: *Greene W. Econometric Analysis*. 5th ed. Prentice-Hall, 2003.

⁴⁹ *Arrow K. Essays in the Theory of Risk-Bearing*. North—Holland, 1970. P. 224.

⁵⁰ *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 274.

⁵¹ *Хикс Дж.* Теория экономической истории. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2003. С. 188, 184.

⁵² «Хотя расхождения во мнениях остаются, но накопленный опыт чаще всего свидетельствует о тесной связи между развитием финансовой системы и экономическим ростом» (*Beck T., Levine R. Legal Institutions and Financial Development // NBER WP No 10417. Washington, 2004. P. 2).*

последних 10–15 лет опубликованы результаты многочисленных эконометрических исследований о положительной корреляции между развитием финансовых рынков и темпами экономического роста. Так, в коллективной монографии «Финансовая структура и экономический рост» приведены сотни межстрановых сопоставлений по 48 странам за 1980–1995 гг. Они должны убедить читателя в справедливости вывода о благоприятном влиянии современной финансовой системы на общие процессы хозяйственного развития⁵³. Темпы роста ВВП в расчете на душу населения обнаруживают статистически существенную положительную корреляцию со всеми выбранными для исследования характеристиками финансовых рынков (включая активность и эффективность), кроме размеров финансового сектора.

Тем не менее приводимые в работе подсчеты не позволяют отвергнуть гипотезу Ла Порты, Лопеса-де-Силанеса, Шляйфера и Вишны: особая роль законодательства, защищающего права владельцев акций и кредиторов⁵⁴, оказывает влияние на темпы экономического роста *лишь косвенно* — через влияние указанных факторов на развитие финансовых рынков (или другие объясняющие переменные). Поэтому вряд ли может считаться убедительным тезис о важной роли *самих по себе* финансовых рынков в отрыве от реальных механизмов экономического развития, приводимых в движение потоками капитала. Наибольший интерес, как представляется, вызывают те теоретические модели, которые более конкретно описывают каналы воздействия финансовых рынков на реальную экономику.

В современной экономической литературе все большее распространение получают теоретические модели развития финансовых рынков, которые «встраиваются» в общие механизмы технического прогресса и экономического роста. Можно сослаться на работу М. Пагано, в аналитической конструкции которой *степень развитости финансовых рынков оказывает непосредственное влияние не только на норму сбережения, но и на выбор технологии, она задает масштабы затрат труда и материальных ресурсов на осуществление посреднических операций и др.*⁵⁵ Все это не может не отражаться на темпах устойчивого хозяйственного роста.

В теоретических моделях другого типа *функционирование развитых финансовых рынков способствует интенсификации исследований и конструкторских разработок, расширяет сферу инновационной активности предпринимателей*⁵⁶. Но чаще используемые аналитические схемы рассматривают указанную проблему в несколько более

⁵³ Financial Structure and Economic Growth. A Cross-Country Comparison of Banks, Markets and Development / A. Demirgüç-Kunt, R. Levine (eds.). MIT Press, 2004. Ch. 4–5.

⁵⁴ La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Legal Determinants of External Finance // Journal of Finance. 1997. Vol. 52; La Porta R., Lopes-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Law and Finance // Journal of Political Economy. 1998. Vol. 106.

⁵⁵ Pagano M. Financial Markets and Growth // European Economic Review. 1993. Vol. 37, No 2–3.

⁵⁶ Roubini N., Sala-i-Martin X. Financial Repression and Economic Growth // Journal of Development Economics. 1992. Vol. 39, No 1; King R., Levine R. Finance and Growth: Schumpeter Might Be Right // Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 108.

общем контексте⁵⁷. Такие модели призваны показать, что *дополнительные возможности выбора между инвестиционными проектами, с одной стороны, жесткий и эффективный контроль, обеспечиваемый финансовыми рынками — с другой, позволяют эффективнее использовать ресурсы и благоприятствуют формированию условий для более энергичного экономического роста.*

Серьезный интерес вызывают исследования авторов монографии об эндогенном экономическом росте Ф. Агиона и П. Хауитта, которые ввели в свои теоретические модели экономического роста с техническим прогрессом дополнительные финансовые механизмы. Другую попытку того же рода Ф. Агион предпринял несколько ранее совместно с Д. Эйсмоглу и Ф. Зилиботти. Наряду с анализом теоретической модели эти исследования содержат также обширные расчеты, связанные с эконометрической проверкой выдвигаемых теоретических гипотез. Краткое изложение важнейших идей, содержащихся в указанных исследованиях, можно найти в статье Ф. Агиона, озаглавленной «Экономический рост и институты»⁵⁸.

Основные теоретические конструкции исходят из общей логики межстрановых сопоставлений и поэтому обычно содержат модели взаимодействий различных стран. Предположим, что в некоторой стране имеют место технические нововведения, тогда она участвует в межстрановом обмене технологиями (*technology transfer*). Важную роль в модели играет общая для всех стран технологическая граница производственных возможностей. Поступательное продвижение этой границы определяется равновесными (в рамках рассматриваемой системы) темпами повышения производительности.

В соответствии с условиями модели совокупность рассматриваемых стран делится на два множества: государства, догоняющие лидеров и приближающиеся к технологической границе, и государства, демонстрирующие на протяжении длительного периода растущее отставание. В качестве главной эндогенной переменной в этих моделях выступают темпы экономического роста. В центре их исследований оказывается так называемая β -конвергенция. Следовательно, в указанных моделях обсуждаются проблемы сводимости темпов экономического роста к некоему стабильному равновесному уровню (*steady-state growth*).

Нетрудно заметить, что отставание в подобной модели сопряжено с определенными выгодами и издержками. Так, удаленность экономики от технологической границы может оказаться условием, позволяющим значительно повысить эффективность использования ресурсов в результате трансфера технологии. Вместе с тем отставание неблагоприятно сказывается на собственной инновационной деятельности отстающего государства: при неизменном количестве квалифицированных рабочих вероятность успешной реализации собственных инноваций, по предположению, возрастает по мере приближения к технологической границе.

В новых моделях в рассмотрение вводятся несовершенные финансовые рынки (поскольку функционирование совершенных финансовых рынков не внесло бы существенных изменений в процессы, протека-

⁵⁷ *Bencivenga V., Smith B.* Deficits, Inflation and the Banking System in Developing Countries: The Optimal Degree of Financial Repression // *Oxford Economic Papers*. 1992. Vol. 44; *Greenwood J., Smith B.* Financial Markets in Development and the Development of Financial Markets // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 1996. Vol. 21; *Sirri E., Tufano P.* The Economics of Pooling // *The Global Finance System: a Functional Perspective* / D. Crane (ed.). Harvard Business School Press, 1995.

⁵⁸ *Aghion Ph.* Growth and Institutions // *Empirica*. 2005. Vol. 32.

ющие в реальном секторе)⁵⁹. На несовершенных рынках участники сталкиваются со связывающими бюджетными ограничениями: размер внешнего финансирования капиталовложений зависит от величины чистой стоимости принадлежащего предпринимателю имущества.

В указанной модели предполагается также, что финансовые рынки могут способствовать приближению к технологической границе производственных возможностей или не обеспечивать условий конвергенции (по мере отдаления от указанной границы благоприятное влияние финансовых факторов быстро убывает). Но в соответствии с логикой модели функционирование финансовых рынков не может оказывать влияние на равновесные темпы долгосрочного экономического роста: последние зависят лишь от действия «реальных» факторов (в рассматриваемой модели — прежде всего от характеристик научно-технического прогресса).

Из теоретических моделей эндогенного роста с финансовыми рынками явствует, что государства, экономика которых в наибольшей степени удалена от технологической границы, особенно нуждаются в таких хозяйственных институтах, которые могли бы облегчить осуществление долгосрочных инвестиционных проектов, опирающихся на заимствование передовых технологий («investment-based» institutions). Эти институты могут содействовать ускоренному преодолению сложившегося разрыва в темпах роста. В то же время государства, экономика которых приблизилась к технологической границе производственных возможностей, смогут повысить темпы своего роста лишь в том случае, если будут использовать наиболее гибкие хозяйственные нормы и институты, ориентированные на всемерное поощрение предпринимательской инициативы и поиска в сфере новых технологий. К числу последних относятся, в частности, максимально возможная открытость экономики, финансовый аутосорсинг, интенсивное развитие рынка ценных бумаг и венчурного бизнеса.

Представляют интерес результаты расчетов, проведенных за период с 1960 по 2000 г. по более чем сотне стран (в качестве страны, как бы олицетворяющей «всемирную» технологическую границу, приняты США)⁶⁰. Авторы показывают, что в странах, удаленных от технологической границы, неблагоприятные последствия, порождаемые закрытостью финансовых рынков, не очень велики. Для сравнительно более развитых государств (в которых уровень ВВП на душу населения гораздо ближе к американскому) политика «закрытости» чрезвычайно неблагоприятно влияет на темпы экономического роста.

Эконометрическое исследование механизмов, связывающих финансовые рынки с экономикой, проводилось и другими авторами. Отметим наиболее любопытные аспекты рассматриваемой проблемы. Так, анализируя каналы, по которым изменения на финансовом рынке передаются в реальный сектор, Т. Бек, Р. Ливайн, Н. Лоэйза показали, что влияние складывающихся финансовых отношений проявляется не столько в уве-

⁵⁹ *Acemoglu D., Aghion Ph., Zilibotti F.* Distance to Frontier, Selection and Economic Growth // NBER WP No 9066. Washington, 2002; *Aghion Ph., Howitt P., Mayer-Foulkes D.* The Effect of Financial Development on Convergence: Theory and Evidence // *Quarterly Journal of Economics.* 2005. Vol. CXX. Issue 1.

⁶⁰ *Acemoglu D., Aghion Ph., Zilibotti F.* Op. cit.

личении суммы сбережений и более интенсивном накоплении реального капитала, сколько в повышении эффективности использования ресурсов и ускоренном росте совокупной факторной производительности⁶¹.

Р. Рэджен и Л. Зингалес подошли к указанному вопросу с другой стороны: они выяснили, что использование внешних источников финансирования способствует увеличению не столько средних размеров компании в отрасли, сколько числа фирм⁶². Иными словами, в отраслях, в наибольшей степени нуждающихся в притоке с финансовых рынков средств, использование последних способствует появлению новых компаний и активизации конкурентного соперничества. В дальнейшем они расширили сферу анализа связей между «углублением» финансовой системы с функционированием конкурентных рыночных механизмов и показали, что существует устойчивая положительная корреляция между развитием финансовой системы и открытостью товарных рынков соответствующих стран (особенно при интенсивном перемещении капиталов из одной страны в другую)⁶³.

Развитие финансовых рынков связано (косвенно) с преодолением сопротивления «местных» предпринимателей, заинтересованных в монополизации рынка, и с «включением» механизмов международной конкуренции. Некоторые расчеты показывают, что нельзя отвергнуть гипотезу, согласно которой причинно-следственные связи по Грейнджеру направлены от открытости экономики к «глубине» финансовой системы⁶⁴. Тем самым полнее выявляется роль финансовой системы в преодолении интересов отдельных монополистических группировок и расширении сферы действия конкурентных рыночных сил.

Так, крупнейшие японские корпорации-экспортеры, в 1970—1980-х годах прошлого столетия интенсивно расширявшие свое присутствие на мировых рынках, остро нуждались в дополнительных финансовых ресурсах. Прорвав «блокаду» ряда японских банков, они смогли получить средства на рынке еврооблигаций. После этого местные банки вынуждены были предложить свою поддержку таких эмиссий на новых, «более либеральных» условиях. Другим примером может служить мексиканская экономика. Интенсивное развитие финансового рынка на протяжении 1980 — начала 1990-х годов было непосредственно связано с либерализацией внешнеэкономических отношений и дерегулированием.

Изучая роль финансовых рынков в эффективной аллокации ресурсов, Дж. Уэрглер привлек чрезвычайно обширный статистический материал: панельные годовые данные по 65 странам с выделением 28 отраслей на периоде в 33 года (1963—1995 гг.). Изучались связи между инвестициями и темпами роста соответствующих отраслей (логлинейная регрессия, не учитывающая лаговых зависимостей) в различных странах. Результаты расчетов вполне согласовывались с исходной

⁶¹ *Beck T., Levine R., Loayza N.* Finance and the Source of Growth // *Journal of Financial Economics*. 2000. Vol. 58.

⁶² *Rajan R., Zingales L.* Financial Dependence and Growth // *American Economic Review*. 1998. Vol. 88.

⁶³ *Rajan R., Zingales L.* The Great Reversals: the Politics of Financial Development in the Twentieth Century // *Journal of Financial Economics*. 2003. Vol. 69, No 1.

⁶⁴ *Svaleryd H., Vlachos J.* Market for Risk and Openness to Trade: How are they Related? // *Journal of International Economics*. 2002. Vol. 57.

гипотезой: в странах с развитыми финансовыми рынками такие связи должны быть более тесными, выше показатели эластичности темпов роста капиталовложений по темпам увеличения добавленной стоимости в рассматриваемой отрасли⁶⁵.

Таким образом, теоретические модели и эконометрические расчеты могут свидетельствовать о *важной взаимозависимости между инновационными процессами и освоением передовых технологий, с одной стороны, и конкурентными механизмами финансовых рынков — с другой*. Функционирование финансовых рынков сегодня оказывается одним из важнейших факторов активизации конкурентного соперничества и повышения экономической эффективности.

Реалии современной России: планы и противоречия

Из всего вышесказанного следует, что основной задачей настоящей статьи была попытка сугубо академического обзора тех действительно значимых экономических и политико-правовых *долгосрочных* взаимосвязей, которые имеют непосредственное отношение к институциональным характеристикам экономического роста и уже нашли свое признание в современной экономической теории. Коротко еще раз отметим основные из них:

— права собственности и обязанности, фиксируемые системой контрактов, являются наиболее глубоким источником долгосрочного развития и экономического роста;

— чем выше уровень развития институтов частной собственности, тем выше их позитивное влияние на долгосрочный экономический рост, инвестиции и эффективность финансовых рынков;

— важнейшим условием функционирования собственности в рыночной экономике является жесткое ограничение полномочий исполнительной власти в сфере имущественных отношений; обеспечение доверия к заключаемым контрактам требует всемерного развития механизмов взаимных сдержек и противовесов в публично-правовой сфере;

— чем больше распространена коррупция правительственных чиновников, тем меньше возможностей для укрепления рыночных институтов и конкурентных механизмов;

— в тех странах, где судебные органы обладают сравнительно большей независимостью, полнее защищены права частной собственности и обеспечены условия для интенсивного экономического роста;

— более адекватная реализация принципов частной собственности представляет собой необходимое условие для более интенсивного развития финансовых рынков, которые выполняют сигнальную роль оценки уровня инфорсента и защиты прав собственности;

⁶⁵ В отличие от внутренних рынков на таких рынках четко просматривается тенденция к снижению (темпов роста) капиталовложений в менее динамичных отраслях. Коэффициент регрессии между величиной эластичности и уровнем финансового развития, рассчитанный лишь на тех наблюдениях, когда объем добавленной стоимости в отрасли уменьшался, оказывался статистически существенным на 99%-ном уровне. В странах с развитой рыночной системой такое уменьшение инвестиций было особенно значительным. (Wurgler J. Financial Markets and the Allocation of Capital // Journal of Financial Economics. 2000. Vol. 58.)

— степень развитости финансовых рынков оказывает непосредственное влияние не только на норму сбережения, но и на выбор технологии, способствует интенсификации исследований и конструкторских разработок, расширяет сферу инновационной активности предпринимателей;

— недостаточное развитие финансовых рынков может увеличивать разрыв в темпах экономического роста между государствами-лидерами и странами, лишенными возможности использовать потенциал современного научно-технического прогресса;

— существует устойчивая положительная корреляция между развитием финансовой системы, с одной стороны, и открытостью товарных рынков соответствующих стран, особенно при интенсивном перемещении капиталов, преодолении интересов отдельных монополистических группировок и расширении сферы действия конкурентных рыночных сил — с другой.

На фоне почти 10-летнего (с 1999 г.) периода высоких темпов экономического роста в России закономерным является возрастание интереса к долгосрочным социально-экономическим проблемам и перспективам развития. В 2007–2008 гг. наиболее часто обсуждаемыми документами стали проекты Концепции (Стратегии) социально-экономического (долгосрочного) развития РФ до 2020 г. Если абстрагироваться от политической и «сценарной» составляющих, то речь идет в первую очередь о перспективах формирования «инновационной институциональной среды» в контексте перехода от инерционно-сырьевой модели экономического роста к инновационной. Помимо социальных и налоговых в качестве ключевых компонентов такой среды определяются защита прав собственности, развитие корпоративного управления, конкуренции и финансовых рынков, повышение эффективности государственного сектора⁶⁶.

Можно выделить три наиболее общих позитивных момента данного документа (которые, видимо, останутся и в окончательной редакции): бесспорность поставленных (хотя и не всех возможных) приоритетов; переход от средне- к долгосрочному целеполаганию; фиксация на официальном уровне понятия «институциональная среда»⁶⁷. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания.

В России на протяжении последних лет проблема «фактора институтов» в посткоммунистической трансформации широко обсуждалась в академической литературе, но до сих пор не получила комплексного оформления в программных официальных документах. Соответственно уже само по себе закрепление такого подхода на уровне Концепции долгосрочного развития Российской Федерации до 2020 г. означает шаг вперед *на уровне декларативном* по сравнению как минимум с двумя последними Программами социально-экономического развития на среднесрочную перспективу (2002–2004 и 2006–2008 гг.). В то же время опыт институциональных реформ первого десятилетия 2000-х годов порождает сомнения в результативности описанных институциональных мер *на уровне прикладном*.

⁶⁶ РИА Новости. 2008. 28 марта (<http://www.rian.ru/economy/20080328>).

⁶⁷ В научный оборот понятие и критерии институциональной среды (институционального окружения) введены Л. Дэвисом, Д. Нортон и О. Уильямсоном.

На наш взгляд, суть противоречия заключается в следующем. Выделяемые в качестве приоритетных направления оптимизации институциональной среды (с «инновационным» дополнением или без такового), бесспорные сами по себе, имеют преимущественно *функциональный* характер, тогда как *системные* характеристики сложившейся в начале 2000-х годов институциональной среды остаются незыблемыми⁶⁸:

— асимметрия (разнонаправленность) действия экономических (рынок) и политических (политико-правовые институты и прежде всего государство) факторов развития российской экономики;

— формализация (нейтрализация) политических институтов и более широко — институтов гражданского общества, способных эффективно ограничивать те или иные действия власти, в том числе в случае извлечения ренты от пребывания на любом уровне власти;

— коррупционная лояльность⁶⁹ как основа системной коррупции;

— хроническое отставание законодательства от экономических реалий (лаг от 4 до 10 лет), расширение зоны неопределенности и неадекватность законодательного, правоприменительного и регулятивного обеспечения процессов развития экономических институтов;

— формирование «двойного стандарта» и различных правил рыночной игры для разных классов участников, «точечное» (избирательное) применение законов в целях политической борьбы и недобросовестной конкуренции, что создает непреодолимые препятствия как для формирования благоприятной институциональной среды, так и для локальных институциональных изменений;

— негативное взаимовлияние ключевых институтов (например, система защиты прав собственности и финансовая система), что свидетельствует о незаинтересованности государства в установлении прозрачных правил и исключает возможность эффективного регулирования в отдельно взятых сегментах;

— укрепление модели «государственного капитализма» в начале 2000-х годов.

Последняя из указанных характеристик, на наш взгляд, является наиболее показательной и обобщающей, если вопросы формирования институциональной среды в России рассматривать именно на стыке экономических, правовых и политических институтов. Хотя проблема формирования российской модели «государственного капитализма» уже не раз затрагивалась как авторами⁷⁰, так и другими исследователями, на ней необходимо остановиться подробнее.

⁶⁸ Частота упоминаний некоторых из перечисленных проблем в публичных выступлениях, научной литературе и СМИ, безусловно, придает им оттенок тривиальности, однако их реальная значимость не становится от этого меньше. См.: Радыгин А.Д. Стабильность или стагнация? Долгосрочные институциональные проблемы развития российской экономики // Экономическая политика. 2007. № 1.

⁶⁹ Термин введен К. Роговым: «Российскую хозяйственно-политическую систему бессмысленно характеризовать беззубым термином „коррупция“. Это мало что дает для ее понимания. Ее следует характеризовать как механизм, работающий на принципах коррупционной лояльности» (Рогов К. Механизм лояльности // Коммерсантъ. 2006. 13 нояб.).

⁷⁰ Радыгин А. Россия в 2000–2004 годах: на пути к государственному капитализму? // Вопросы экономики. 2004. № 4; Мальгинов Г., Радыгин А. Рынок корпоративного контроля и государство // Вопросы экономики. 2006. № 3; Абрамов А., Радыгин А. Финансовый рынок России в условиях государственного капитализма // Вопросы экономики. 2007. № 6.

Общая динамика государственного сектора российской экономики в 2007—2008 гг. характеризуется теми же основными тенденциями, что и в предшествующие несколько лет: формальное сокращение числа унитарных предприятий; продолжение интеграции принадлежащих государству активов в холдинговые компании; продолжение деятельности уже существующих холдингов с участием государства по расширению масштабов своего бизнеса и его диверсификации путем поглощений и слияний, вертикальной и горизонтальной интеграции и т. д. В 2007 г. совокупная доля АО, где государство как акционер может осуществлять полноценный корпоративный контроль вследствие владения контрольным или 100-процентным пакетом акций, впервые с конца 1990-х годов превысила половину всех хозяйственных обществ с его участием.

В целом, по имеющимся оценкам, доля акций российских компаний, принадлежащих государству, в 2006 г. достигла 29,6%, в начале 2007 г. — 35,1%⁷¹. К началу 2008 г. «глубина концентрации собственности» в руках государства в рамках базы «Эксперт-400» составила порядка 40—45%. В 2004 г. государство контролировало 81 компанию из 400 крупнейших (с совокупной выручкой 145 млрд долл.), в 2006 г. — уже 103 (283 млрд долл.)⁷². Если в 2004 г. под контролем государства находилось 34,7% совокупной выручки 400 крупнейших компаний России, то по итогам 2007 г. — около 40%⁷³.

Принципиально новым стало появление в 2007—2008 гг. сразу нескольких государственных корпораций — «Роснано», «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», «Олимпстрой», «Ростехнологии», «Росатом» и др. Очевидно, эти структуры заметно различаются по характеру своей будущей деятельности. «Олимпстрой» и «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» нацелены на реализацию конкретных проектов, имеющих заявленный временной горизонт. «Роснано» должен занять свое место в индустрии стимулирования инновационной деятельности, «Росатом» является сугубо отраслевой организацией, «Ростехнологии» представляют собой конгломерат, который должен объединить активы (после акционирования) ФГУП «Рособоронэкспорт» и претендует на сотни других объектов⁷⁴.

Характерная для 2007—2008 гг. мода на создание госкорпораций (нашедшая отклик и на региональном уровне) заметно повышает различные экономико-финансовые риски. В схеме их создания заложен не только терминологический абсурд, но и, что важнее, индивидуальный подход, *выводящий их за рамки общих правовых норм, установленных в законодательстве* для той или иной организационно-правовой формы профильными законами (акционерные общества, унитарные предприятия, некоммерческие организации).

Отдельным важным вопросом является то, каким будет механизм контроля над деятельностью таких корпораций, насколько детально он будет прописан в утверждаемых правоустанавливающих документах прикладного характера, прежде всего с позиции *сохранности*

⁷¹ Грозовский Б. Главный собственник страны // Ведомости. 2007. 13 фев.

⁷² Пакет акций не ниже блокирующего или завершающая фаза установления контроля со стороны государства.

⁷³ Виньков А. Государство — это ты! // Эксперт. 2008. № 2. Одновременно можно говорить о повышении уровня монополизации экономики: по данным ФАС и Росстата, в 2003 г. десятую часть ВВП России обеспечивали 52 компании, а в 2006 г. — только 11 корпораций.

⁷⁴ Активность «Ростехнологий» в этом плане является идеальной характеристикой сращивания власти и бизнеса как одной из черт российской модели государственного капитализма. При определении имущественного вклада РФ в госкорпорацию список вносимых объектов (ГУП и пакетов акций ОАО) возрос от первоначальных 250 до 500—600 весной 2008 г., включая предприятия «гражданских» отраслей, при традиционном отсутствии экономических и управленческих обоснований.

государственного имущества и денежных средств, их целевого использования, обеспечения прозрачности и соответствия фактической деятельности корпораций заявленным уставным целям.

В последнее время в исследовательских оценках наметился также некоторый сдвиг — от констатации наращивания прямого государственного участия к попыткам осмысления количественных пределов экспансии государства. На наш взгляд, приведенные выше (даже весьма условные) количественные оценки 2004—2007 гг. наравне с новыми направлениями имущественной активности государства и государственных хозяйственных структур в 2007—2008 гг. не дают пока оснований для общих выводов о замедлении имущественной экспансии государства.

Вместе с тем (при прочих равных условиях, к которым относятся политические и рентно-коррупционные) качественный порог такой экспансии достаточно очевиден: чем масштабнее государственный сектор, тем ограниченнее возможности управляемости и эффективного контроля. Об этом свидетельствует, в частности, опыт конца 1990 — начала 2000-х годов введения (попыток введения) тех или иных новых механизмов управления и контроля за унитарными предприятиями и АО с долей государства. По аналогии с эволюцией частных российских бизнес-групп за указанный период в среднесрочной перспективе следует ожидать реорганизационных процедур по оптимизации структуры приобретенных активов и организационно-управленческим аспектам функционирования государственных компаний (групп). Насколько они будут эффективными применительно к государственным компаниям, каковы будут движущие мотивы такой реорганизации, покажет время. Больше того, сам по себе количественный рост прямого участия государства в экономике или стабильная значительная доля последнего не являются чем-то экстраординарным для современного мира.

Более существенным, с нашей точки зрения, является понимание *качественных последствий* укрепления модели «государственного капитализма». Общеизвестно, что единой теории «государственного капитализма» не существует, и в него включаются различные модели экономического развития (тоталитарные, авторитарные, традиционные), в которых государство становится основным субъектом экономического процесса. Хотя модель «государственного капитализма» в России окончательно не сформировалась, по многим показателям она относится к авторитарным режимам — при наличии общепринятых (цивилизованных) норм в правовой базе и наличии базисных институтов рыночной экономики. Среди ее особенностей помимо роста прямого вмешательства в экономику отмечаются общие процессы подмены государством рыночных механизмов распределения доходов и ресурсов, рост коррупции в государственных структурах, сращивание государственной бюрократии и «делового сообщества»⁷⁵ в рамках построения административной вертикали и централизации

⁷⁵ Вероятно, с некоторой долей условности можно говорить не только о провале декларированной в начале 2000-х годов политики дистанцирования власти от бизнеса, но и, напротив, о выходе на новый качественный уровень трансформации «олигархического капитализма» 1990-х годов в «государственный олигархический капитализм» начала 2000-х.

в политической структуре. Все это ведет к росту симптомов неэффективности и в перспективе ограничивает возможности для долгосрочного экономического роста⁷⁶.

Создаваемая в начале 2000-х годов конструкция взаимодействия «государство (власть) — собственность» предусматривает слияние государственной собственности с *вертикалью* власти. В такой модели основная долгосрочная проблема состоит не только и не столько в том, что «деловое сообщество» (рыночная/частная собственность) приобретает по отношению к государству/власти подчиненный характер, а в том, что взаимодействие государственной и частной форм собственности осуществляется не по горизонтали (при рыночной предпосылке состязательности), а по вертикали. Отсутствие рыночной состязательности, в свою очередь, ведет к подавлению одной из форм и разрушению рыночных механизмов и в итоге — к утрате потенциала эффективности в обоих сегментах.

Уже в 2007–2008 гг. в ходе обсуждения долгосрочных планов инновационной институциональной среды государство гораздо больше внимания уделяло финансовым и регулятивным (дирижистским) аспектам экономического роста, нежели институциональным⁷⁷. В частности, характерным для 2007 г. стал переход в бюджетной политике к массивированной бюджетной экспансии, что нашло отражение прежде всего в накачке деньгами «институтов развития» и создании государственных корпораций. Подобное развитие событий вполне естественно в условиях мощного притока «дешевых» денег, который продолжает захлестывать страну на протяжении нескольких лет. Непосредственными результатами такого развития событий стали пока лишь раскручивание инфляции и дальнейшее торможение институциональных реформ. Что касается вопросов модернизации политической системы (политико-правовых институтов) как абсолютного приоритета для решения остальных задач социально-экономической модернизации, то, по всей видимости, они не только не выходят за рамки локальных дискуссий на уровне отдельных политологов и экономистов, но и остаются в значительной степени закрытыми для прикладного рассмотрения в общем контексте долгосрочного развития страны.

К числу важнейших предпосылок продвижения к эффективному экономическому росту сегодня следует отнести не тот или иной выбор моделей хозяйственных и правовых институтов, а переход к более действенной системе инфорсmenta прав частной собственности и контрактных прав и преодоление неполноты складывающейся рыночной системы, включая действительное равенство форм собственности, «углубление» финансовой структуры и развитие новых финансовых рынков. Другой безусловной предпосылкой для решения задач социально-экономической модернизации является модернизация политической системы.

⁷⁶ Государственный капитализм в России. Материалы теоретического семинара ИМЭМО РАН / Под ред. Ю. Б. Кочеврина. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 13–19.

⁷⁷ *May В. А.* Экономическая политика 2007 года: успехи и риски // Российская экономика в 2007 году. Тенденции и перспективы. М.: ИЭПП, 2008. С. 30–49.